

ДИСКУРСИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ

И. Р. Курашенко

Пятигорский государственный университет

DISCURSIVE CONCEPTUALIZATION AS A MECHANISM OF PARLIAMENTARY DELIBERATION

I. R. Kurashenko

Pyatigorsk State University

Аннотация: парламентская коммуникация как институциональный политический дискурс и как процесс законотворчества есть осмысление основных политически актуальных концептов и категорий, отражающих событийную реальность социо-политической картины мира. В статье рассматривается структура и процесс концептуализации России в парламентском дискурсе современной Франции. Взаимодействие концептуального и прагма-семантического уровней парламентской дискурсивной практики осуществляется через когнитивно-дискурсивные механизмы концептуализации, представляемые автором как функциональная структура единиц концептуально-семантической и интеракционно-прагматической природы. В исследовании политический концепт, отличающийся концептуально-понятийной лабильностью, эмоционально-оценочной амбивалентностью и когнитивно-дискурсивной полемичностью, представляет собой агрегированную в результате делиберативного обсуждения концептуальную структуру (А-концепт), формируемую сетью дисперсных фрагментов концептуального содержания (Д-концептов), отраженных в высказываниях участников парламентской делиберации. В дискурсивном выражении единицы концептуального содержания реализуются посредством совокупной предикативной структуры, состоящей из разноуровневых предикатом – сентенциальных, коллоквиальных и номинативных, осуществляющих формирование парламентского А-концепта как результата динамического плюралистического понятийного квазиконсенсуса в рамках делиберации парламентариев как носителей тех или иных отрезков картины мира, воплощающихся в понятийно-аксиологическом ядре совокупного А-концепта. При этом формируемые периферийные зоны А-концепта отличаются по сложности и противоречивости (амбивалентности) их концептуального содержания, а также устойчивости или динамичности своей перцептивно-образной и эмотивно-оценочной структуры. Основной операциональный дискурсивно-семантический уровень концептуальной агрегации определяется событийным и дискурсивно-прагматическим контекстом, в частности, особенностями парламентской институционально-дискурсивной формации (процессом обсуждения, коллективной рефлексии, политической ангажированностью субъектов парламентской делиберативной концептуализации). Теоретические положения иллюстрируются фрагментами французского парламентского дискурса о России.

Ключевые слова: французский парламентский дискурс, концептуальная структура парламентского дискурса, предикат, идеологема, политический нарратив.

Abstract: parliamentary communication as an institutional political discourse and as a law-making process is the comprehension of the main politically relevant concepts and categories reflecting the event reality of the socio-political picture of the world. The article examines the structure and process of conceptualization of Russia in the parliamentary discourse of modern France. The interaction of conceptual and pragmatic-semantic levels of parliamentary discursive practice is carried out through cognitive-discursive mechanisms of conceptualization, presented by the author as a functional structure of units of conceptual-semantic and interactive-pragmatic nature. In the study, a political concept characterized by conceptual-semantic volatility, emotional-evaluative ambivalence and cognitive-discursive polemic is a conceptual structure (A-concept) aggregated as a result of a

deliberative discussion, formed by a network of dispersed fragments of conceptual content (D-concepts) reflected in the statements of participants in the parliamentary deliberation. In the discursive expression, the units of conceptual content are realized through an aggregate predicative structure consisting of multi-level predicate units (predicatem) – sentential, colloquial and nominative, which form the parliamentary A-concept as a result of dynamic pluralistic conceptual quasi-consensus within the framework of the deliberation of parliamentarians as carriers of certain segments of the worldview, embodied in the conceptual and axiological core of the aggregate A-concept. At the same time, the peripheral zones of the A-concept formed differ in complexity and inconsistency (ambivalence) of their conceptual content, as well as the stability or dynamism of their perceptual-figurative and emotive-evaluative structure. The main operational discursive-semantic level of conceptual aggregation is determined by the event and discursive-pragmatic context, in particular, the features of the parliamentary institutional-discursive formation (the process of discussion, collective reflection, political engagement of the subjects of parliamentary deliberative conceptualization). The theoretical positions are illustrated by fragments of the French parliamentary discourse on Russia.

Key words: French parliamentary discourse, conceptual structure of parliamentary discourse, predicate, ideologue, political narrative.

Введение

Политический универсум первой четверти XXI в. определяется многочисленными факторами, среди которых одно из важнейших мест занимают международные отношения и геополитика – коммуникативная среда, формирующая политику страны в мировом, региональном и двустороннем форматах международных отношений. От понимания глубинных механизмов концептуализации этих отношений зависит совершенствование политического процесса в национальном и международном измерениях. Дискурсивный поворот в политологии вывел в фокус внимания политической науки проблему формирования концептуальной картины политической ноосферы через коммуникативно-лингвистические закономерности ее осмысления и трансформации [1]. Особое место в отечественной политологии и политической философии занимает исследование политических концептов [2], политическая концептология [3]. Концептуализация – это процесс формирования ментального конструкта (концепта), сохраняющегося и бытующего (развивающегося) в когнитивной системе индивидуума или в пространстве коллективного когнитивного тезауруса, обладающего категориальными (понятийными) признаками с интерпретативно-аксиологической динамикой и имеющего топосную референциальную «паспортизацию».

Опосредованная дискурсивным измерением, концептуализация осуществляется в двух режимах – офлайн и онлайн (ср. [4]). Офлайн-концептуализация – это интерактивный процесс познания во взаимодействии познающего субъекта и познаваемого объекта в режиме рефлексивного понимания (изучения), которое, по мнению Т. В. Дроздовой, «оказывается связанным и с процессом познания, а точнее с его результатом – знанием, представляющим смысл, содержание текста, и лишь условно – с коммуникативным процессом. <...> понимание невозможно без осознания, осмысления (т. е. знания) объекта понимания, каковым для специалиста оказывается <...> тот реальный или воображаемый мир, который этот

сложный языковой знак замещает» [5, с. 290]. Целью такого понимания является понятийная (категориальная) эпистемическая составляющая концепта как единицы концептуализации [6]. Закрепленный в когнитивном тезаурусе (общем знании) концептуальный конструкт (концепт) приобретает статус энциклопедического и конвенциализированного фрагмента знания. Причем помимо понятийного ядра, следуя признанной модели концепта как многомерного ментального конструкта [7], ему когнитивно, т. е. рационально и психологически, присущи перцептивно-образный, ценностный, эмоционально-психологический и другие аспекты, составляющие ментальную модель его структурно-фреймовой организации [8].

Энциклопедический офлайн-концепт служит, как правило, основой процесса мыследеятельности [9], в которой он может актуализироваться в той или иной аспектуальной ипостаси, вплоть до *ad hoc* реализации [10], подменяющей как понятийную, так и референциальную сущность исходного концепта («хирург – мясник»; «дом – крепость»; «время – деньги» и т. д.). Такие известные концептуальные динамические процессы, как, например, когнитивный блендинг и концептуальная метафора [11; 12], открывают трансформационные ментальные механизмы трансгрессивной онлайн-концептуализации, происходящей «здесь и сейчас». Так, интенциональное измерение концептуализации в процессе творческого (научного) мышления трансформирует понятийную, а также образную и эмоционально-оценочную сущность как самого концепта, так и его референциально-объектной области [5].

Онлайн-концептуализация, помимо интенционального измерения в контексте ментальной трансформации вплоть до деконструкции, связана в большей степени с дискурсивной актуализацией, выполняющей функцию хирургического скальпеля, шовного материала и клея, позволяющих трансформировать энциклопедическую релевантность концепта, превращая его в интенционально-интеракционную кон-

цептуальную сущность «к данному случаю» (*ad hoc*). Здесь на традиционную дихотомию концептуального и семантического уровней [13] накладывается прагма-телеологический уровень, задающий определенную когнитивную векторность процессу мышления, часто приобретающую характер когнитивного предубеждения (*cognitive bias*) [14], которое вносит в прагма-аксиологическую и эмотивную ипостась концепта недифференцированную амбивалентность [15–17]. Так, индивидуализация концептуальной модели зависит в большей степени от «внутренних релевантностей» личности [18]: знаниевого и нравственного тезауруса, социальной идентичности, психологической установки (когнитивной доминанты [19]) концептуального интерпретатора (ср. концепты: СКРОМНОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ, СВОБОДА, КОНФОРМИЗМ и т. д.).

Такие когнитивные процессы особенно характерны для определенного речегогнитивного модуса «мысли вслух» [20], имеющего разную институционально-функциональную дистрибуцию, но как правило, сохраняющего рефлексивную интерактивность (персональное осмысление концептуального объекта) и интеракциональную делиберативность («диалогический концептуальный конструктивизм») [21].

Дискуссия. Материал исследования

Рассмотрение феномена делиберативной концептуализации с целью принятия решения в политической коммуникации неизбежно приводит к парламентскому дискурсу, так как помимо полемической составляющей концентрированного топоса «дискурса власти» [22], коим является парламент, в задачи законодательства включаются механизмы социополитического анализа, т. е. концептуальной деконструкции и концептуального конструирования политической картины мира. Как отмечает Р. А. Заколотный, «плюралистичное пространство когнитивно-идейного взаимодействия нуждается в удержании носителей специфичных концептов в состоянии диалога, минимизируя их конфликтные устремления, и в способности так обработать различные позиции по содержанию, чтобы можно было принимать решения, максимально соответствующие потребностям целостного воспроизводства» [2, с. 76].

Тем не менее прагма-телеологическая интенциональность акторов парламентской дискурсивной формации не объективизирует, а субъективизирует дискурсивную онлайн-концептуализацию, сообщая ей, как правило, корпоративно-лоббистскую интенциональную канализацию [23]. В результате политический концепт, в отличие от лингвоцентрических и культурологических концептов [6; 24], характеризуется прежде всего онлайн-динамичностью: **концептуально-понятийной лабильностью, эмоциональ-**

но-оценочной амбивалентностью и концептуализирующей когнитивно-дискурсивной **полемичностью**, порождающей аргументативно-персуазивную составляющую парламентской онлайн-концептуализации [25]. Но самое главное свойство динамики политической дискурсивной концептуализации и ее продукта – политического концепта – состоит в событийности (событийной доминанте) его концептуального содержания. Все остальные свойства политического концепта вытекают из актуальной событийности концептуальной (и дискурсивной) картины политической картины мира. Событийный аспект политической концептуализации обуславливает не просто динамическую модель политического концепта, но превращает *политическую концептуализацию* в *ad hoc-концептуализацию sui generis* (по происхождению) [10].

Отправной гипотезой нашего исследования становится положение о влиянии дискурсивных (речевых и риторических) *онлайн-форм* на процесс концептуализации политической картины мира в делиберативной парламентской коммуникации, о когнитивно-эпистемической значимости речевых феноменов в дискурсивной концептуализации предметной социально-политической действительности в парламентской коммуникации, выраженной, в частности, в аргументативно-делиберативном анализе (интерпретации), оценке и принятии решения (голосовании) [26].

Учитывая, что: 1) онлайн-формат парламентской делиберации (ПД) предполагает контраверсную составляющую в виде заложенных в концептуальной пресуппозиции расходящихся или противоположных убеждений («внутренних релевантностей») субъектов концептуализации; и 2) офлайн-формат ПД определяет перформативный характер парламентских коммуникаций, ставящих целью социополитическое решение в виде документальных декларативов (выступлений, заявлений, постановлений, деклараций, законов, поправок к законам и т. д.), – мы присоединяемся к определению Л. В. Правиковой, которая рассматривает парламентский дискурс как «процесс принятия решения, т. е. когнитивный процесс, в результате которого на логико-рациональной основе из ряда альтернативных сценарных разверток выбирается единственный курс действий. Речевое взаимодействие во время дебатов включает в себя не только обмен информацией, но и динамический процесс переговоров, т. е. обговаривания значений, взаимовлияние действий партнеров по политической коммуникации и их реакции» [27, с. 359].

Из этого определения следует, что смысловое поле ПД интеракционально (диалогично): концептуально противоречиво и амбивалентно по содержанию и аргументативно и полемично по воплощающей его дискурсивной форме.

Необходимо отметить также «театральность» парламентской коммуникации («*Seul le prononcé fait foi*» – «Только произнесенное имеет статус закона») [28], закрепляющей и усиливающей перформативность парламентского дискурса в онлайн- и офлайн-медиаформате: наличие интернет-ресурсов парламента, включающих прежде всего официальный сайт с онлайн-трансляцией заседаний парламента и комиссий, интерактивным доступом к различным документам: представительству партий, групп и объединений, персональным сведениям о депутатах, архивным документам и т. д. [29–31].

Целью проводимого исследования стала концептуализация геополитического концепта РОССИЯ в пространстве французской парламентской дискурсивной формации [32].

Материал проводимого исследования составили корпусы документов французского Парламента, представленные на официальных сайтах Национальной Ассамблеи (НА) [30] и Сената [31], в трех дискурсивных форматах (парламентских жанрах): **полные отчеты** (скрипты) **дебатов** в ходе заседаний обеих палат по повестке дня (*принятие закона, резолюции, поправки к закону* и пр.), **вопросы к правительству** и **аналитические доклады** – информационные доклады, экспертные мнения, заслушиваемые в ходе заседаний парламента и комиссий. Во всех форматах, рассматриваемых с 2011 по 2021 г., происходила когнитивно-дискурсивная концептуализация России как геополитического актора, важнейшей составляющей международной политической картины мира (см. [3; 33]). В корпусном исследовании был задействован автоматизированный поиск документов НА и Сената [30; 31].

Результаты исследования

Содержанием ПД является концептуализация проблемного поля [18], рассматриваемого нами как объект делиберативной рационализации [34], т. е. формирования общего (коллективного) когнитивного пространства, концептуализирующего обсуждаемую проблему. Результатом такой формации проблемного когнитивно-интеракционного поля является выработка определенного концептуального содержания, или концепта (например, «санкции против России»), т. е. достижение определенного рационального (концептуального) консенсуса о предметном (проблемном) содержании ПД [34].

Результат формирования (концептуализации) парламентского *ad hoc*-концепта мы рассматриваем как достижение условного динамического плюралистического понятийного квазиконсенсуса в рамках делиберации носителей того или иного отрезка картины мира, воплощающегося в понятийной ядерной зоне концепта. При этом формируемые периферийные

зоны концепта отличаются по сложности и противоречивости (амбивалентности) их концептуального содержания, а также устойчивости или динамичности своей перцептивно-образной и эмотивно-оценочной структуры.

Политическую *ad hoc*-концептуализацию соответственно можно рассматривать в двух логико-когнитивных движениях – индуктивном (*bottom-up*) и дедуктивном (*up-down*) [8]: 1) как формирование целостного представления об отрезке действительности (концептуального пространства) – в общем агрегированном концепте, или А-концепте – на основе его частных проявлений и характеристик (в том числе и субъективно-оценочных) и 2) как деление (*up-down*) на дискретные кванты знания – дислоцированные концепты-элементы (*concepts élémentaires disloqués*) [35], или Д-концепты – определенные области концептуального освоения действительности (познания и понимания), – когнитивные составляющие А-концепта. Основой для принятия решения является результат взаимодействия обоих процессов, закрепляемый в концептуальной картине того или иного деятельностного континуума (дискурсивной формации) в виде динамической концептуальной агрегации. Поэтому парламентскую концептуализацию можно представить как процесс познания (онлайн-концептуализацию) – путь превращения диффузного конгломерата Д-концептов в агрегированное состояние А-концепта [36].

В дискурсивном воплощении парламентская концептуальная офлайн-агрегация (**А-концепт**) выражается в определенном концептуально-понятийном **нарративе**, сходном со словарной статьей в энциклопедическом словаре («Russie») [37, p. 1572–1580] (ср. «энциклопедический концепт»), включающем историческую пресуппозицию и актуальную событийную информацию. Офлайн-концептуализация России французским парламентом закреплена в документах, составляющих корпус парламентской дискурсивной формации (см. выше). Политический **нарратив** – виртуальное «повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий», рассматривающее «исторические события как возникшие не в результате закономерных исторических процессов, а в контексте рассказа об этих событиях и неразрывно связанные с их интерпретацией» [38, с. 43], точек зрения, идеологических установок (идеологем) и т. д., отражающих субъективную концептуализацию актуальной проблемы (референциального объекта). Часто нарратив рассматривают как «самую общую категорию лингвистического производства, которая «слишком часто используется так, как если бы она была лишь словом для обозначения некоторой онтологии» [39, с. 67]. С другой стороны, нарратив рассматривается не как онтологическая сущность, а как набор интер-

претативных (аргументативных) инструкций и норм, позволяющих возвести темпорально определенное (речевое) событие в некий обобщенный канон, «общее место» (топос), А-концепт, позволяющий ориентировать концептуально изменчивые формы посредничества между личностными и обобщенными канонами социополитической реальности (ср. [40]). Таким образом, нарративы выступают как более или менее конвенциональные и аргументативно ориентированные модели мира (А-концепты) во взаимодействии с моделями личностного смысла (внутренних релеванностей) [18] субъектов, производящих данный нарратив (Д-концептами).

Примером нарратива в скриптах заседаний НА и Сената является следующий нарратив, выраженный А-концептом, представленным в виде обобщающих («заголовочных») формул: «*La fin de l'URSS est la plus grande catastrophe géopolitique du XXe siècle*» (2014) (Конец Советского Союза есть самая большая катастрофа XX столетия) [AN]; «*C'est l'effondrement de la Russie historique sous le nom d'Union soviétique*» (2018) (Крушение исторической России под именем Советский Союз) [41; 42].

Д-концепты как продукты ad hoc-концептуализации воплощаются в дискурсивной онлайн ПД (парламентской делиберации) в виде дискурсивно-семантических коррелятов – предикатом [25].

Предикатомой мы называем речезыковую единицу (лексико-семантический и семантико-синтаксический коррелят пропозиции), выражающую либо *полную пропозицию* – **сентенциальная предикатема**, либо *свернутую пропозицию* – **коллоквиальная предикатема**, либо *редуцированную пропозицию* – **номинативная предикатема** (ср. *имплицитная предикативность* [43]). Каждая предикатема отражает тот или иной аспект концептуализации России в ПД французского парламента. Таким образом, предикатема – *это предикативная единица, которая формируется в результате предикативного взаимодействия речезыковых единиц, структурированных в соответствии с условиями конкретного акта коммуникации, отражает полные, свернутые и редуцированные пропозиции и является операциональной единицей внутреннего программирования (единицей концептуализации и суггестивного воздействия)*.

Структурно предикатемы выступают коррелятами фреймов (Д-концептов) сетевой модели концептуализации России [25] (А-концепта, актуализированного в контексте) во французском парламентском дискурсе. Наиболее ярко парламентская концептуализация представлена в таких парламентских жанрах, как экспертный доклад в ходе заседания парламента [23] и доклад на заседании комиссии по международной политике НА. Приведем пример анализа **экспертного заседания** парламентской комиссии по междуна-

родным делам НА, посвященного концептуализации России (), на котором с приглашенным докладом выступила секретарь Французской Академии **Элен Каррер д'Анкос** – политолог и «специалист по России» [42].

Дискурсивно-пресуппозиционная часть структуры заседания дана председателем комиссии г-жой **Marielle de Sarnez**, осветившей противоречия и проблемность концептуализации отношения Франции к России. В ней намечены основные фреймы концептуализации России в Национальной Ассамблее, имеющие ассоциативно-образную, событийно-аксиологическую (ценностную) и понятийную составляющие:

– сентенциальные предикатемы: *Vladimir Poutine ne se reconnaissait plus dans les valeurs européennes* (Владимир Путин больше не признает европейские ценности); *L'impact économique des sanctions sur la Russie est difficile à évaluer* (Влияние экономических санкций на Россию трудно оценить <однозначно>); *En Crimée, les électeurs se prononcent à 96,77 % en faveur du rattachement à la Fédération de Russie* (В Крыму 96,77 % избирателей высказались за воссоединение с РФ); *Nous inviterons donc la Russie à discuter des différends et à coopérer* (Мы будем призывать Россию к обсуждению разногласий и к сотрудничеству);

– коллоквиальные предикатемы: *l'annexion de la Crimée* (аннексия Крыма), *soutiens très actifs apportés aux séparatistes de Donbass* (активная помощь сепаратистам Донбасса), *l'intervention russe en Syrie* (вторжение в Сирию); *la lutte contre le terrorisme* (борьба с терроризмом); *objectifs compatibles avec les nôtres* (цели, совпадающие с нашими); *convaincre les Iraniens* (влияние на Иран), *imprévisibilité du côté de l'administration américaine* (общая озабоченность непредсказуемостью администрации США);

– номинативные предикатемы: *Russie de Poutine* (Россия Путина); *lignes rouges* (красные линии); *Nord Stream-1/2* (Северный поток-1/2); *position de puissance* (великодержавная позиция) и т. д.

Данные нарративы послужили опорными концептуальными моделями в делиберативной концептуализации России, так или иначе озвученными в вопросах докладчику – Э. Каррер д'Анкос [27]. Концептуальная структура доклада состоит из ряда предикатом:

– номинативных (заголовочных): *relations entre l'Union Européenne et la Russie* (отношения ЕС и России); *des malentendus anciens* (давние недоразумения); *l'élargissement de l'OTAN* (расширение НАТО);

– распространенных предложных, субстантивно-адъективных и субстантивно-глагольных номинаций (императивно-каузально-консективных): *suspension des négociations en cours* (прерывание переговоров); *des sanctions pour faire appliquer les*

accords de Minsk (санкции с целью заставить подписать минские соглашения); *une nouvelle donne pour le dialogue avec la Russie* (новый повод восстановить диалог с Россией);

– инфинитивных предикатами в проективно-императивной функции: *préférer la progressivité à la logique du «tout ou rien»* (предпочитать поступательность логике «все или ничего»); *intensifier les relations techniques avec l'union économique eurasiatique* (интенсифицировать экономические отношения с евразийскими структурами); *préparer une reprise du dialogue* (готовить возобновление диалога);

– номинативно-предикативных (полных и эллиптических): *une forte interdépendance économique et commerciale unit l'Union européenne et la Russie* (сильная экономическая и торговая зависимость ЕС от России); *de l'acceptation initiale à la contestation* (от прежнего согласия к противоречиям) и т. д. [42].

Выводы

На основе теоретического осмысления лингвополитических концепций и результатов проведенного полевого (корпусного) исследования можно наметить основные теоретические постулаты нашего исследования, доказываемые и иллюстрируемые в ходе анализа:

1) делиберация (обсуждение вопроса) строится на основании существующих концептуализаций участников интеракции;

2) в делиберативной дискуссии индивидуальные концептуализации интегрируются в общую (коллективную) концептуализацию, которая принимается за «объективную» и становится достоянием «общих знаний» участников (субъектов) интеракции;

3) в ходе делиберации высказываются различные точки зрения (тезисы), подкрепляемые аргументами. Наиболее релевантные аргументы субъективных концептуализаций (концепций) ложатся в основу коллективной («объективной») концептуализации референциального объекта;

4) на основе «объективной» концептуализации принимается искомое решение проблемы;

5) парламентская делиберация в силу политической ангажированности участников делиберации представляет собой амальгаму аргументативной и персуазивной дискурсивных стратегий включая риторико-полемиические приемы убеждения;

6) полемическая делиберация строится на расхождении внутренних релевантностей участников делиберативной дискуссии, что затрудняет процесс идентификации результатов объективной концептуализации и приводит к «мозаичной концептуализации», построенной на учете различных (оппозитивных) концептуальных блоков (доменов);

7) концепция (аргументативная агрегация концептов, А-концепт) представляет собой сетевую модель

(систему) логически организованных концептов (Д-концептов), позволяющих представить результат динамической концептуализации в виде когнитивной карты; интеграция концепций представляет собой результат объединения наиболее релевантных концептуализаций – концептуальное поле референциального объекта;

8) операциональная релевантность концептуализаций (концепций) определяется качеством аргументативно-персуазивных дискурсивно-риторических действий (стратегий) субъектов концептуализации;

9) фактическая релевантность концептуализации определяется качественно по принципу постзнания – исторической рациональности операциональной «объективной» концептуализации, ее эффективности и состоятельности.

В процессе исследования был выделен главный уровень концептуализации в парламентском делиберативном дискурсе – **дискурсивно-концептуальный уровень**, который определяется событийным и дискурсивным контекстом, в частности, институционально-дискурсивной формацией (*процессом обсуждения, делиберации, коллективной рефлексии*).

Основной единицей концептуально-когнитивного уровня становится ментальная репрезентация референциального объекта и/или события (факта) – агрегированный А-концепт, выражаемый в дискурсивном **нарративе**. Нарратив выражается на дискурсивно-концептуальном уровне посредством дискурсивных единиц – предикатом, реализуемых на концептуальном уровне разнородными дисперсными Д-концептами, выражающимися на лексико-семантическом и семантико-синтаксическом уровне в *сентенциальной форме* (развернутое высказывание, предложение), в *коллоквиальной форме* (словосочетание) и *редуцированной номинативной форме* (однословная реализация). Совокупность пропозиций образует концептуальное пространство А-концепта (макро-нарратив) РОССИЯ, реализуемое в процессе делиберации (онлайн) и закрепляемое в документах Национальной Ассамблеи и Сената французской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцев И. В.* Дискурсивные практики быденного политического сознания // Вестник интегративной психологии. 2006. Вып. 4. С. 72–74.
2. *Заколodный Р. А.* Политическая концептология как компаративистика в пространстве плюралистического дискурса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8 (14) : в 4 ч. Ч. II. С. 76–79.

3. Макаренко В. П. Политическая концептология : первые итоги разработки // Terra Economicus, CyberLeningka. 2008. Vol. 6 (2). Pp. 98–122.
4. Кибрик А. А. Язык и мысль : современная когнитивная лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2015. 843 с.
5. Дроздова Т. В. Научный текст и проблемы его понимания : на материале англоязычных экономических текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 390 с.
6. Стернин И. А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка : сб. науч. трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 257–282.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац. М. : Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
8. Fodor J. A. Concepts. Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford : University Press, USA, 1998. 192 p.
9. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М. : Школа Культуры Политики, 1997. 656 с.
10. Casasanto D., Lupyan G. All Concepts are Ad Hoc Concepts // The Conceptual Mind : New directions in the study of concepts / E. Margolis, S. Laurence (Eds.). Cambridge : MIT Press, 2015. Pp. 543–566.
11. Fauconnier G. Compression and Emergent Structure // Language and Linguistics – 6. 2005. No. 4. Pp. 523–538.
12. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh : The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. NY: Basic Books, 1999. 624 p.
13. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : ЯСК, 2019. 480 с.
14. Haselton M. G., Nettle D. The paranoid optimist : An integrative evolutionary model of cognitive biases // Personality and Social Psychology Review. 2006. No. 10 (1). Pp. 47–66.
15. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия ВГПУ. 2009. № 3. С. 4–11.
16. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.
17. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) // Вестник ПГЛУ. 2014. № 1. С. 59–62.
18. Шюц А. Избранное : мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
19. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
20. Arnett P., Grayson C., McDowell C. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality» : Review, Assessment and Ongoing Difference // AQ Quarterly Review Of Communication Research. 2008. Vol. 27, No. 3. Pp. 3–25.
21. Jacques F. Dialogiques: recherches logiques sur le dialogue. Paris : Presse Universitaire de France, 1979. 422 p.
22. Дейк Т. ван. Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
23. Алферов А. В., Курашенко И. Р., Попова Г. Е. The Dynamics Of Russia's Conceptualization In The Parliamentary Discourse In Contemporary Europe // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2016. № 1. С. 117–121.
24. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2002. 142 с.
25. Курашенко И. Р. Моделирование процесса концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Вестник Пятигор. гос. ун-та. 2020. № 1. С. 74–78.
26. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Червоный А. М. Исследование парламентского дискурса 2014–2016 гг. : концептуализация итогов // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 10–16.
27. Правикова Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 359–362.
28. Turbide O., Martel G. La médiatisation conflictuelle des acteurs politiques. Présentation // Information médias théories pratiques. Communication Vol. 36/2. 2019. URL: <http://journals.openedition.org/communication/10846>
29. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Парламентская дискурсивная практика : интеракционное картирование (на материалах официального сайта французской Национальной Ассамблеи) // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2015. № 6 (717). С. 61–75.
30. Site Officiel de l'Assemblée Nationale. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/>
31. Site Officiel du Sénat. URL: <http://www.senat.fr/>
32. Foucault M. L'Archeologie du savoir. P. : Gallimard, 1969. 288 p.
33. Курашенко И. Р. Образ России в рамках французской президентской кампании 2017 г. (на основе программных документов кандидатов) // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2018. T. 14. № 4 (42). С. 75–84.
34. Friberg-Fernros H., Karlsson Schaffer J. The Consensus Paradox : Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? // Political Studies. 2014. 62 (S1). Pp. 99–116.
35. Récanati F. Philosophie du langage (et de l'esprit). P. : Gallimard: Folio Essais, 2008. 268 p.
36. Badie F. Towards concept understanding relying on conceptualisation in constructivist learning // 13th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA). 2016. Pp. 292–296.
37. Le Petit Robert des noms propres: Dictionnaire illustré. Paris ; New York : French & European Pubns, 2009. 2470 p.
38. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2004. № 6–7. С. 41–54.

39. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

40. De Fina A., Georgakopoulou A. Introduction: Narrative analysis in the shift from texts to practices // *Sociology, Art, Text & Talk*. 2008. No. 28–3. Pp. 275–281.

41. Assemblée Nationale-2014. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/14-15/c1415073.asp#P9_486

42. Assemblée Nationale-2018: Commission des affaires étrangères: Mme Hélène Carrère d'Encausse. Mercredi 21 février 2018. URL: <http://videos.assemblee-nationale.fr/>

43. Ситдикова Ф. Б. Об имплицитной предикативности предложений-номинативов в русском и татарском языках // *Вестник Вят. гос. гуманитар. ун-та*. 2016. № 6. С. 90–93.

REFERENCES

1. Zaytsev I. V. Diskursivnye praktiki obydenного politicheskogo soznaniya [Discursive practices of everyday political consciousness. In: *Bulletin of Integrative Psychology*. 2006. Vypusk 4. Pp. 72–74.

2. Zakolodny R. A. Politicheskaya kontseptologiya kak komparativistika prostranstve plyuralisticheskogo diskursa [Political conceptology as comparative studies in the space of pluralistic discourse]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2011. No. 8 (14): v 4 ch. Ch. II. Ph. 76–79.

3. Makarenko V. P. Politicheskaya kontseptologiya: pervye itogi razrabotki [Political conceptology: the first results of development]. In: *Terra Economicus, CyberLeninka*. 2008. Vol. 6 (2). Pp. 98–122.

4. Kibrik A. A. Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika [Language and thought: modern cognitive linguistics]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. 843 p.

5. Drozdova T. V. Nauchnyy tekst i problemy ego ponimaniya: na materiale angloyazychnykh ekonomicheskikh tekstov [Scientific text and problems of its understanding: based on the material of English-language economic texts]: diss. ... doktora filol. nauk. M., 2003. 390 p.

6. Sternin I. A. Tipy znacheniy i kontsept [Types of meanings and concept]. In: *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sb. nauch. tr. Pod red. prof. E. S. Kubryakovoy*. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005. Pp. 257–282.

7. Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [A concise dictionary of cognitive terms]. E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, M.: Filol. fak. MGU, 1996. 245 p.

8. Fodor J. A. Concepts. Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford: University Press, USA, 1998. 192 p.

9. Shchedrovitskiy G. P. Filosofiya. Nauka. Metodologiya [Philosophy. The science. Methodology]. M.: Shkola Kul'tury Politiki, 1997. 656 p.

10. Casasanto D., Lupyan G. All Concepts are Ad Hoc Concepts. In: *The Conceptual Mind: New directions in the*

study of concepts. E. Margolis, S. Laurence (Eds.). Cambridge: MIT Press, 2015. Pp. 543–566.

11. Fauconnier G. Compression and Emergent Structure. In: *Language and Linguistics* – 6. 2005. No. 4. Pp. 523–538.

12. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. NY: Basic Books, 1999. 624 p.

13. Boldyrev N. N. Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. M.: Izdatel'skiy dom YaSK, 2019. 480 p.

14. Haselton M. G., Nettle D. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases. In: *Personality and Social Psychology Review*. 2006. No. 10 (1). Pp. 47–66.

15. Karasik V. I. Kontsept kak edinita lingvokul'turnogo koda [Concept as a unit of linguistic and cultural code]. In: *Izvestiya VGPU*. 2009. No. 3. Pp. 4–11.

16. Shakhovskiy V. I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1987. 190 p.

17. Alferov A. V., Kustova E. Yu. Pragma-semanticheskaya konversiya kak faktor dinamiki yazykovoy sistemy (na materiale russkikh i frantsuzskikh inter»ektivnykh form) [Pragma-semantic conversion as a factor of the dynamics of the language system (based on the material of Russian and French interjective forms)]. In: *Vestnik PGLU*. 2014. No. 1. Pp. 59–62.

18. Shuts A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom [Favorites: A world glowing with meaning]. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 1056 p.

19. Boldyrev N. N., Grigor'eva V. S. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeystviya [Cognitive dominants of speech interaction]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2018. No. 4. Pp. 15–24.

20. Arnett R., Grayson S., McDowell S. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment and Ongoing Difference. In: *AQ Quarterly Review Of Communication Research*. 2008. Vol. 27, No. 3. Pp. 3–25.

21. Jacques F. Dialogiques: recherches logiques sur le dialogue. Paris: Presse Universitaire de France, 1979. 422 p.

22. Deyk T. van. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. M.: LIBROKOM, 2013. 344 p.

23. Alferov A. V., Kurashenko I. R., Popova G. E. The Dynamics Of Russia's Conceptualization in The Parliamentary Discourse in Contemporary Europe. In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2016. No. 1. Pp. 117–121.

24. Vorkachev S. G. Kontsept schast'ya v rusском yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness: the experience of linguistic and cultural analysis]. Krasnodar: Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 2002. 142 p.

25. Kurashenko I. R. Modelirovanie protsessa kontseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse [Modeling of the process of conceptualization of Russia in the French parliamentary discourse]. In: *Vestnik Pyatigorsk gos. un-ta*. 2020. No. 1. Pp. 74–78.
26. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Chervonyy A. M. Issledovanie parlamentskogo diskursa 2014–2016: kontseptualizatsiya itogov [Research of parliamentary discourse 2014–2016: conceptualization of results]. In: *Politicheskaya lingvistika*. 2016. No. 5 (59). Pp. 10–16.
27. Pravikova L. V. Persuazivnost' kak kognitivnaya strategiya v parlamentskom diskurse [Persistence as a cognitive strategy in parliamentary discourse]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2018. No. 1 (79). Ch. 2. Pp. 359–362.
28. Turbide O., Martel G. La médiatisation conflictuelle des acteurs politiques. Présentation. In: *Information médias théories pratiques. Communication*. 2019. Vol. 36/2. Available at: <http://journals.openedition.org/communication/10846>
29. Alferov A. V., Kustova E. Yu. Parlamentskaya diskursivnaya praktika: interaktsional'noe kartirovanie (na materialakh ofitsial'nogo sayta frantsuzskoy Natsional'noy Assamblei) [Parliamentary discursive practice: interactive mapping (based on the materials of the official website of the French National Assembly)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2015. No. 6 (717). Pp. 61–75.
30. Site Officiel de l'Assemblée Nationale. Available at: <https://www.assemblee-nationale.fr/>
31. Site Officiel du Sénat. Available at: <http://www.senat.fr/>
32. Foucault M. *L'Archeologie du savoir*. P.: Gallimard, 1969. 288 p.
33. Kurashenko I. R. Obraz Rossii v ramkakh frantsuzskoy prezidentskoy kampanii 2017 (na osnove programmnykh dokumentov kandidatov) [The image of Russia in the framework of the French presidential campaign of 2017 (based on candidates' program documents)]. In: *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2018. T. 14, No. 4 (42). Pp. 75–84.
34. Friberg-Fernros H., Karlsson Schaffer J. The Consensus Paradox: Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? In: *Political Studies*. 2014. 62 (S1). Pp. 99–116.
35. Récanati F. *Philosophie du langage (et de l'esprit)*. P.: Gallimard: Folio Essais, 2008. 268 p.
36. Badie F. Towards concept understanding relying on conceptualisation in constructivist learning. In: *13th International Conference on Cognition and Exploratory Learning in Digital Age (CELDA)*. 2016. Pp. 292–296.
37. Le Petit Robert des noms propres: Dictionnaire illustré. Paris ; New York: French & European Pubns, 2009. 2470 p.
38. Trotsuk I. V. Narrativ kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskii konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh [The image of Russia in the framework of the French presidential campaign of 2017 (based on candidates' program documents)]. In: *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya*. 2004. No. 6–7. Pp. 41–54.
39. Shmid B. *Narratologiya [Narratology]*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 312 p.
40. De Fina A., Georgakopoulou A. Introduction: Narrative analysis in the shift from texts to practices. In: *Sociology, Art, Text & Talk*. 2008. No. 28–3. Pp. 275–281.
41. Assemblée Nationale-2014: Available at: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/14-15/c1415073.asp#P9_486
42. Assemblée Nationale-2018: Commission des affaires étrangères: Mme Hélène Carrère d'Encausse. Mercredi 21 février 2018. Available at: <http://videos.assemblee-nationale.fr/>
43. Citdikova F. B. Ob implitsitnoy predikativnosti predlozheniy-nominativov v russkom i tatarskom yazykakh [On implicit predicativity of nominative sentences in Russian and Tatar languages]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2016. No. 6. Pp. 90–93.

Пятигорский государственный университет
Курашенко И. Р., аспирант кафедры французской
филологии и межкультурной коммуникации
E-mail: yasik0381@yandex.ru

Поступила в редакцию 15 февраля 2023 г.
Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Для цитирования:

Курашенко И. Р. Дискурсивная концептуализация как механизм парламентской делиберации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/14-22>

Pyatigorsk State University
Kurashenko I. R., Post-graduate Student of the French
Philology and Intercultural Communication Department
E-mail: yasik0381@yandex.ru

Received: 15 February 2023
Accepted: 27 March 2023

For citation:

Kurashenko I. R. Discursive conceptualization as a mechanism of parliamentary deliberation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 2. Pp. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/14-22>